

Миновал июнь, и день ото дня становилось всё жарче. Ещё месяц — и созреет рис, увлекая всех крестьян в самую хлопотную и напряжённую пору года.

По ухабистой дороге, ведущей в деревню Цинхэ, неторопливо плелась запряжённая волом повозка. Управлял ею ладный мужчина лет двадцати семи, а рядом на телеге примостились женщина и двое ребятишек. С первого взгляда в них угадывалось дружное и счастливое семейство.

Едва въехав в деревню, они повстречали знакомую — местную женщину с деревянным тазом, которая как раз направлялась к реке стирать бельё. Завидев гостей, она так и впилась глазами в громоздившиеся на повозке глиняные кувшины, а затем завистливо окинула взглядом рулоны узорчатой ткани, коробки со сладостями и прочие гостинцы. На душе у неё стало кисло, словно она глотнула уксуса, но приличие требовало натянуть любезную улыбку.

— Вторая сестрица, никак с мужем и детками к родителям решила навеститься? — запричитала она слащавым голосом. — Да добра-то сколько везёте! Какая заботливая дочь выросла, просто загляденье.

— Тётушка Сань, на речку собрались? — приветливо отозвалась Ся Иньцзи. — Да какое там добро, всё своими руками сделано, копейки стоит. А эти двое сорванцов хвостиками за Юаньбао ходят. Едва прослышали, что я домой еду, так в крик — подавай им дядю! Вот и везём их к бабушке с дедушкой.

— Ой, да ладно тебе приbedняться! — громко, с наигранным восхищением всплеснула руками тётушка Сань. — По всему уезду слух идёт, что Лувэй из вашей лавки пахнут так, что с ума сойти можно! Сам уездный судья их к столу заказывает. Разве такое может копейки стоить?

— Скажете тоже! Уездный судья просто решил отведать чего-то новенького, — отнекивалась Ся Иньцзи, хотя сердце её так и ширилось от гордости. — Но скрывать не стану: всё благодаря нашему Юаньбао. Умный мальчик, отыскал этот рецепт в какой-то старинной книге.

— И не говори! Всего полгода за книжками просидел, а уже такое дело провернул. Вырастет — почтенным сюцаем станет, помяни моё слово, — поддакнула тётушка Сань.

Как бы зависть ни грызла её изнутри, портить отношения с Ся Иньцзи она не смела: её старший сын спал и видел, как бы пристроиться на работу в эту самую лавку Лувэй.

— Помнишь, ведь старый даос, когда твоему Юаньбао судьбу предсказывал, сразу сказал: отмечен великим благословением небес! Вот оно и сбывается! — вещала тётушка Сань с полной уверенностью, словно это не она ещё полгода назад на каждом углу кудахтала, будто младший сын семейства Ся — дурачок полоумный и никакого проку от него не будет.

Ся Иньцзи готова была слушать похвалы в адрес брата бесконечно, и счастливую улыбку теперь ничто не могло сдержать. Раньше она лишь робко надеялась, что Юаньбао выучится, и в будущем вся родня сможет рассчитывать на его покровительство. Кто же знал, что мальчик, проучившись всего ничего, сразу добудет для семьи столь прибыльное ремесло!

Прежде свиные потроха в лавке её свёкра оставались горами — их и за бесценок никто брать не хотел. Приходилось есть самим, пока от одного запаха варёного ливера всю семью тошнить не начинало так, что кусок в горло не лез.

Но стоило Юаньбао отыскать в старых книгах рецепт приготовления Лувэй и опробовать его на деле, как всё изменилось. Оказалось, что тщательно очищенные и проваренные в особом бульоне потроха приобретают нежный, пряно-солёный вкус и изысканный аромат. Будучи мальчиком добрым и отзывчивым, Ся Чэнь пожалел вечно бедствующую семью своего дяди со стороны матери и без лишних слов отдал им этот бесценный рецепт.

Свёкор Иньцзи попробовал сварить первую партию, и дело сразу пошло на лад. Ремесло оказалось настолько выгодным, что позволило не только поправить собственное положение, но и пристроить к делу племянников. Ливера у них и так было в избытке, тратиться приходилось лишь на сухие пряности для бульона. Затраты копеечные — даже если бы затея прогорела, они почти ничего не теряли.

Но прибыль превзошла все ожидания. Сами потроха стоили сущие гроши, и хоть специи обходились недёшево, одной кастрюли густого маринада хватало на огромное количество мяса. К тому же, если бережно хранить бульон и вовремя сдабривать его свежими травами, его можно было использовать раз за разом — и от долгой варки он становился лишь гуще и ароматнее.

Благодаря этому себестоимость упала, и лавка смогла выставить вполне доступные цены, так что покупать Лувэй стали даже простые горожане. А вкус у готовой закуски был отменный: её подавали и к повседневному обеду, и к чарке крепкого вина, а если внезапно заглядывали гости, стоило лишь купить пару цзиней ароматной нарезки — и праздничный стол готов.

Торговля расцвела пышным цветом. Городские трактиры поначалу пытались вывести рецепт и готовить Лувэй сами, но у них вечно выходило пресно и безвкусно. К тому же готовить Лувэй малыми порциями ради редких заказов было невыгодно, и в конце концов они рассудили, что проще каждый день отправлять закупщиков в лавку свёкра.

А когда уездный судья распробовал их фирменный Лувэй из свиных ушек и стал регулярно брать их к вину, слава о лавке покатила далеко за пределы уезда. Теперь даже господа из соседних краёв частенько посылали слуг за покупками к семейству Ся.

Её свёкор, человек дальновидный и справедливый, разделил дело с братьями, а семье невестки тайно выделил долю в двадцать процентов от всей прибыли. Сделано это было в строжайшем секрете, дабы злые языки не распускали сплетни и не бросили тень на репутацию Юаньбао, которому предстояло сдавать государственные экзамены.

Благодаря этому Ся Иньцзи теперь ходила в доме мужа с высоко поднятой головой. Хотя она вышла замуж за двоюродного брата и серьёзных ссор с невестками у неё не случилось, мелкие дразги всё же отравляли жизнь. Особенно досаждала вторая невестка, чья родственница пристроилась наложницей к помощнику уездного судьи. Мня себя родней большого чиновника, эта особа вечно пыталась урвать кусок пожирнее за чужой счёт.

Теперь же, когда её дорогой Юаньбао подарил семье настоящую золотую жилу, даже свекровь стала пылинки с неё сдувать, а спесивая невестка приутихла и заговорила ласковым голосом. И всё это — заслуга любимого брата.

— Ладно, тётушка Сань, побегу я, — вволю наслушавшись завистливых вздохов, Ся Иньцзи спохватилась, что пора делом заняться. — Солнце печёт нещадно, если Лувэй в дороге задохнётся — пиши пропало, такой продукт переведём!

— Беги-беги, деточка, не задерживайся! — засуетилась тётушка Сань, торопливо уступая дорогу повозке.

Провожая её взглядом, она хмуро размышляла: «Ну всё, расшибусь в лепёшку, а заставлю свекровь раскошелиться и отдать моего младшенького в ученье. Грамоте наберётся — глядишь, тоже какую полезную книгу прочтёт да редкий рецепт выудит. Сами варить не станем, так хоть продадим знающим людям за бешеные деньги!»

Едва показалась усадьба семейства Ся, как они издали заметили толпу, обступившую раскидистое дерево у ворот. Собралась едва ли не половина деревни — от мала до велика, но больше всего звенели детские голоса.

— Мама, это точно дядя сказки рассказывает! — восторженно завопил Бэй-гээр.

Не дожидаясь, пока отец натянет поводья, сорванец ловко спрыгнул на ходу и припустил к толпе со всех ног.

Яо Улан испуганно натянул вожжи. Не успел он крикнуть сыну вослед, как того и след простыл. Дочка, маленькая Синян, сидела ни жива ни мертва, жалобно переводя взгляд на отца — её сердечко уже умчалось вслед за братом.

— Чего встал? Гони давай! — прикрикнула на мужа Ся Иньцзи и тут же нежно прижала к себе приунывшую дочку. — Не горюй, егоза. Юаньбао тебя обожает, уж для любимой племянницы он точно выхлопочет лучшее местечко у самого крыльца!

Вся площадка перед воротами была забита народом. Маленький Бэй-гээр тщетно пытался протиснуться сквозь плотную стену взрослых спин. Изнемогая от нетерпения, он поднял оглушительный крик. Благо слушатели старались не шуметь, чтобы не пропустить ни слова, так что Ся Чэнь сразу различил звонкий детский голосок и крикнул, чтобы племянника пропустили вперёд.

Сам Ся Чэнь диву давался, как его невинная затея развлечь племянницу обернулась тем, что теперь он служил едва ли не главным деревенским сказителем.

Началось всё с того, что он пересказал детворе на местный лад сказку «Дикие лебеди». В тот же вечер восторженный Нань-гээр побежал делиться услышанным со старшим братом. Мальчишки напрочь позабыли про сон: один увлечённо тараторил, другой слушал, раскрыв рот от изумления.

Память у Нань-гээр была не то чтобы выдающейся, да и в те суровые времена никто не обучал детей красноречию, так что в его изложении сказка превратилась в путаный винегрет без начала и конца. Но даже в таком убогом пересказе история до глубины души потрясла простодушного Дун-гээр. Он то и дело теребил брата, умоляя рассказать, что же было дальше.

Однако продолжения Нань-гээр и сам толком не помнил. Не побоявшись разбудить дядю, он, верно, среди ночи залез бы к нему на постель с расспросами, но строгие семейные правила его удержали.

Наутро оба сорванца щеголяли тёмными кругами под глазами. И если Дун-гээр отделался лёгким испугом, то Нань-гээр, которому полагалось прилежно учиться, сладко заснул прямо посреди урока. Наставник поднял его и заставил стоять в углу до конца занятий, а вечером дома Ся Цзиньцзы наглядно объяснил сыну вред ночных бдений с помощью доброй порции розог.

Впрочем, Дун-гээр сочувствием к побитому брату не проникся — он хвостиком вился вокруг Ся Чэня, вымаливая продолжение. Юаньбао призадумался: сказки — дело нехитрое, к урокам готовиться не мешают. Какая разница, рассказывать одному племяннику или собрать всю семью? Всё равно в деревне по вечерам заняться нечем: отужинали — и сразу на боковую.

Ся Чэнь не стал долго раздумывать и созвал всех домашних в парадную залу. Глава семейства Ся Ци, госпожа Юнь-нянь и старшая невестка Фэн Цяонянь уже слышали днём от Ся Цзиньцзы о том, какое чудесное сказание Юаньбао поведал у родственников. Вот только старший брат Ся Цзиньцзы был парнем простым и косноязычным — как ни пытался повторить, у него выходило лишь невнятное мычание.

Стоило Юаньбао объявить о начале, как все с радостью расселись вокруг стола. Даже Ся Цзиньцзы с маленьким Нань-гээр, слышавшие эту историю уже дважды, примостились рядышком, готовые ловить каждое слово.

Но Ся Чэнь не собирался повторять «Диких лебедей». Раз уж он решил превратить эти посиделки в традицию, требовалось что-то масштабное, увлекательное и долгое. И тут его осенило: разве можно найти что-то лучше великого романа «Путешествие на Запад»?

Эта история подходила и старым, и малым. Пусть он не помнил дословный текст, но ключевые события и приключения героев знал назубок. В конце концов, устный рассказ — это не школьный диктант, здесь всегда найдётся место для живой импровизации.

В тот же вечер семейство Ся услышало о рождении Царя Обезьян из волшебного камня. О, это было невероятное, захватывающее дух зрелище! Обитатели усадьбы никогда прежде не слыхивали подобных чудес.

Слушатели сидели словно околдованные. Но у этой медали обнаружилась и обратная, весьма неприятная сторона: как сбежать от толпы ненасытных слушателей, если новые главы от тебя требуют родной отец, матушка, брат и невестка?

В первый вечер Ся Чэнь проговорил без умолку два часа. У него пересохло в горле, он осушил два огромных чайника и ночью едва не проснулся в мокрой постели от столь обильного питья.

На следующий день Юаньбао даже звать никого не пришлось. Едва закончился ужин, как вся семья уже сидела в сборе. Даже служанка Гуйхуа и старик Юй тайком притащили табуреты, чтобы пристроиться в уголке. Эти вечерние беседы мгновенно превратились во всеобщую радость и самое ожидаемое событие дня.

Вскоре сообразительный Дун-гээр побежал хвастаться новыми знаниями перед деревенской детворой. Говорил он куда складнее младшего брата, а если забывал какую-то деталь или путал имена героев, а кто-то из ребят пытался его поправить, малец упрямо подпирал бока руками и грозно прикрикивал:

— Тебе сказку рассказывают или как? Будешь перебивать — вообще ничего больше не услышишь!

Так, благодаря захватывающим приключениям Сунь Укуна, Дун-гээр в пух и прах разгромил своего главного соперника — Тянь Лайбао, который вечно пытался подкупить ребятню заморскими сладостями. Отныне Дун-гээр стал бесспорным вожаком всей местной детворы.

Получив титул вожака, Дун-гээр был обязан заботиться о своих подопечных. Наступило знойное лето, принес с собой изнуряющую духоту, и Ся Чэнь перебрался рассказывать сказки во двор. Поначалу Дун-гээр приводил с собой лишь пару самых верных друзей, но желающих послушать становилось всё больше. В итоге, выторговав у дяди согласие с помощью целой кучи обещаний — вроде обещания примерно учиться и помогать по дому, — Дун-гээр уломал Ся Чэня перенести посиделки за ворота усадьбы.

К настоящему времени Ся Чэнь сделался самым любимым и почитаемым человеком в деревне, особенно среди ребятни. Стоило ему выйти на улицу, как его тут же одаривали спелой дыней, свежими овощами или домашними сладостями.

Сам юноша лишь посмеивался над этой нелепицей. Он-то планировал прославиться на государственном поприще благодаря глубоким познаниям конфуцианских канонов, а в итоге завоевал сердца земляков рассказами о проделках каменной обезьяны!

Сегодня выдался свободный от занятий день, и Дун-гээр с самого утра одолевал дядю

расспросами. Как раз в это время с горы спустился Сюй Хэлай. Юный послушник не мог приходить в деревню каждый день и пропустил изрядный кусок истории, поэтому Ся Чэнь любезно согласился повторить для него упущенные главы.

Хотя сказка звучала уже не впервые, послушать её сбежалась уйма народу — приключения Сунь Укуна никогда не приедались. Но самые лучшие места, прямо у ног рассказчика, были строго зарезервированы за братьями Дун-гээр, Нань-гээр и Сюй Хэлаем. Из-за этого деревенские мальчишки буквально лопались от злости и люто завидовали молодому послушнику.

Юный Бэй-гээр ворвался в круг живым снарядом и с разбегу ткнулся дяде в колени. Этот малец бредил Великим Мудрецом, Равным Небу. Одно время он даже приставал к родителям с требованиями отпустить его в монастырь — мол, станет монахом и непременно возьмёт себе в ученики говорящую обезьяну. Лишь после того, как разгневанная мать хорошенько огрела его метёлкой для пыли, несостоявшийся послушник поостыл и вернулся к мирской жизни.

— Сестрица приехала? И зять тоже здесь? — Ся Чэнь, едва завидев племянника, сразу догадался, что тот прибыл не один. Он поднялся со своего места и вгляделся в дорогу за толпой.

И верно: к воротам как раз подкатила повозка, ведомая Яо Уланом. Толпившиеся крестьяне поспешно расступились, давая дорогу.

Остановив вола, Яо Улан приветливо крикнул:

— Юаньбао, ты на нас не отвлекайся, сказывай дальше! А где твой старший брат? Нужно бы разгрузить телегу, пусть покажет, куда пристроить гостинцы.

— Брат с отцом на пашню ушли, — отозвался Ся Чэнь и повернулся к старшему племяннику: — Дун-гээр, мигом беги на поле, позови отца. Скажи, тётка с дядей приехали.

— Не надо никого звать! — раздался зычный голос из-за ворот.

Ся Ци и Ся Цзиньцзы уже подходили к дому, шлёпая по пыльной дороге босыми, перемазанными грязью ногами — видать, только-только управились с работой на заливных чеках.

— Цзиньцзы, помоги зятю распрячь вола да разгрузить телегу. И скажи Цяонянь, пусть зажарит ту жирную рыбу, что плавает в кадке, — распорядился глава семейства, мгновенно раздав указания. Затем его взгляд переместился на младшего сына: — Юаньбао, ступай за мной. Нам нужно поговорить.

Ся Чэнь уловил в голосе отца странные, несвойственные ему нотки. Почуввав неладное, он

поспешно отпустил собравшихся слушателей и направился вслед за родителем в небольшую домашнюю пристройку, служившую им рабочим кабинетом.

Едва за ними закрылась дверь, Ся Ци, не дожидаясь расспросов сына, глухим взволнованным голосом спросил:

— Юаньбао, скажи мне честно... Откуда ты взял семена для того экспериментального рисового поля?

«Похоже, отец заметил разницу в наливе колосьев», — сообразил Ся Чэнь. Юноша невинно захлопал ресницами и ответил самым простодушным тоном:

— Так вы же сами мне их и дали, батюшка.

— Наши семена?! — Ся Ци опешил от изумления. Он нахмурился, силясь сопоставить факты, а затем пристально посмотрел на сына: — Но как это возможно? Юаньбао, колись: кроме того, что ты высадил рассаду раньше обычного срока, делал ли ты с землёй или всходами что-то ещё?

<http://bllate.org/book/18260/1758871>